

Ворона бабушки сейидэ

РАССКАЗ

ОРХАН ХАНЧЕРЛИОГЛУ

В деревнях началась кампания по уничтожению ворон. Специально созданная комиссия издала строгие распоряжения о мерах истребления этих тварей, приносящих огромный вред посевам. Все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет обязаны были сдать властям по две вороны, или четырех птенцов, или же восемь вороньих яиц.

То тут, то там в деревне слышались выстрелы, и — удивительное дело — стоило кому-нибудь пристрелить ворону, как сотни ее черных сородичей с душераздирающими криками слетались к трупам и траурным флером подолгу реяли над ним, разлетаясь только при новом выстреле. Меня поражало это трогательное проявление сочувствия и скорби, и я думал о том, что подобное редко встречается среди людей...

Однажды утром явился ко мне деревенский сторож и с кислым видом стал у порога.

— Что случилось? — спросил я.

— Бей¹, — сказал он, — бабушка Сейидэ мешает нам.

— Почему?

— У нее под крышей свила гнездо ворона. Мы хотим ее убить. Бабушка не позволяет.

У деревенских жителей, как и у горожанок, бывают свои причуды. Я не стал долго раздумывать и приказал сторожу:

— Идите и уничтожьте ворону.

Избавившись от него, я засел за свои дела и совсем было забыл и о бабушке, и о ее вороне, как вдруг на улице раздались крики и шум. Я взглянул в окно. Держа в руках огромную палку, бабушка Сейидэ с криком преследовала сторожа, который бежал к деревенской площади. Распахнув оконную раму, я строго спросил:

— В чем дело? Почему такой шум?

Увидев меня, бабушка Сейидэ остановилась и, бормоча что-то себе под нос, повернула назад. Сторож стоял, позеленев от ярости.

— Подойди сюда, — позвал я, — ты еще не убил эту ворону?

— Ты сам видел, бей, разве она разрешит?

— Так уж непременно и нужно ее разрешение? Неужели нельзя пристрелить эту проклятую ворону издали?

¹ Бей — господин.

— Нельзя, бей. У нее гнездо под крышей. Надо зайти во двор. Иначе ничего не выйдет.

Упрямство бабушки Сейидэ вывело наконец и меня из терпения.

— Ну-ка, позовите бабушку Сейидэ! — распорядился я. — Узнаем, почему она оберегает свою ворону. — И, закрыв окно, сел к столу.

Через некоторое время сторож вернулся. Он был один.

— Бабушка Сейидэ не хочет идти.

— Почему?

— Говорит, я старая женщина. Не могу ходить. Если, говорит, у него есть ко мне дело, пусть сам и придет.

Видать, старуха решила испытать и мое терпение... Чтобы не уронить честь мундира перед сторожем, я сказал ему:

— Хорошо, ступай. Я сам займусь этим. — И вернулся к своим бумагам.

Прошло несколько дней. Если бы не сторож, который пришел ко мне и снова завел речь о том же, я и не вспомнил бы об этом деле. На сей раз сторож был доволен.

— Бей, — сказал он, — помните ворону бабушки Сейидэ?

— Да. А что?

— Сегодня утром мы ее пристрелили.

— Как? И старуха ничего не сказала?

— Наоборот. Она сама прислала ко мне человека — пусть, говорит, придет, пристрелит. Я пошел и пристрелил.

Я с удивлением посмотрел на сторожа. Что бы это могло значить?

— А почему она до сих пор противилась? — спросил я.

— Не знаю, бей. Поди-ка узнай у нее что-нибудь!

Что верно, — то верно. Старость и одиночество сделали эту женщину упрямой и капризной. И беседы вести она не охотница. Но уж очень заинтересовал меня этот случай. И несмотря ни на что, я рискнул вечером, после работы, завернуть к бабушке Сейидэ во двор. Она квасила молоко.

— Добрый вечер, бабушка Сейидэ.

Старуха подняла на меня хмурый взгляд.

— Наконец-то убили твою ворону.

Помолчав, она нехотя подтвердила:

— Да, сегодня утром.

— Оказывается, ты сама просила об этом...

Ни звука в ответ.

— Но, бабушка, ведь ты же всю деревню подняла на ноги, чтобы спасти свою ворону. На что она тебе сдалась?

Старуха снисходительно поглядела на меня:

— А я ее тогда только что посадила...

— Как посадила?

— Обыкновенно как. Посадила.

— ?

— Я посадила ее на яйца.

— ?

— Слепой, что ли?

Не видишь тех цыплят?

И тут я увидел: только что вылупившиеся цыплята робко ковыляли по двору на своих кривых лапках.

Перевел с турецкого
Акпер Бабаев

